

УДК 947.088(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/79-87>

А.С. Ващук*

ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв. СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Рец.: Савченко А.Е. и др. *Потенциальный Дальний Восток.*

Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России.

М.: Common Place, 2024.

В рецензии рассматривается коллективная монография, посвященная анализу проектов развития Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв. Рецензируемая книга оценивается в контексте существующей историографии «поворота России на Восток». Рецензент выделяет ее сильные стороны, такие как использование социально-антропологического подхода, глубокий анализ отдельных кейсов, например, СЭЗ «Находка», и спорные моменты, включая избыточное увлечение авторов зарубежной теорией и терминологией, отсутствие баланса между теорией и эмпирикой в отдельных главах.

Ключевые слова: Дальний Восток, проекты развития, государственная политика, дискурс развития, поворот на Восток, социальная антропология

Programs and projects for the development of the Russian Far East in the late XXth – the beginning of the XXIst century through the lens of social anthropology (Review of «*Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region*» (2024) by Anatoliy Savchenko et al.). ANGELINA S. VASHCHUK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

This review examines a collective monograph analyzing development projects in the Russian Far East from the late XXth to early XXIst century. The book is evaluated within the existing historiography of Russia's «pivot to the East». The reviewer highlights its strengths, including the application of a socio-anthropological approach and in-depth case studies (e.g., Free Economic Zone in Nakhodka), while noting contentious aspects such as the authors' excessive reliance on foreign theories and terminology, as well as imbalances between theoretical and empirical analysis in some chapters.

Keywords: Russian Far East, development projects, public policy, development discourse, pivot to the East, social anthropology

Введение

Сегодня российские ученые уделяют огромное внимание изучению современного российского «поворота на Восток», и оценка этого политико-экономического курса вызывает острые

дискуссии. Уже с момента объявления этого вектора развития к данной проблеме стали проявлять большой интерес специалисты разных отраслей знания – политологи, экономисты, историки и др. [12; 14; 15; 18; 19, с. 5–26; 20; 21].

* ВАЩУК Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, заведующая Отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, va_lina@mail.ru

© Ващук А.С., 2025

Чтобы оценить вклад авторов рецензируемой монографии (А.Е. Савченко, Т.Н. Журавской, С.А. Иванова, И.Ю. Зуенко, Н.П. Рыжовой) в разработку данной проблемы, следует прежде всего обратиться к краткому обзору литературы по теме, опубликованной до выхода указанной книги. Такой обзор позволит более явно показать ту самую исследовательскую специфику рецензируемого издания, которая, с одной стороны, привлекает внимание читателей, а с другой – дает основания оценивать позиции авторов как небесспорные.

О чем и как писали ученые в 2010-е гг.

В ряде публикаций в качестве точки отсчета смены вектора дальневосточной политики однозначно признается декабрь 2006 г, когда произошло заседание Совета безопасности РФ под председательством В.В. Путина. В имеющейся на сегодня историографии подробно воссоздана дальнейшая хроника политических событий, связанных с реализацией данной идеи федеральным центром. Исследователи выделяют историческую «веху» – 2009 г., когда была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, закрепившая ориентацию на финансируемые государством и госкомпаниями мегапроекты, преимущественно в энергетике и транспортной инфраструктуре. Факт создания Министерства развития Дальнего Востока, специального института управления территорией в рамках стратегии «поворота на Восток», также является обязательным элементом этой хроники. Появление в 2013 г. в правительстве должности вице-преьера, отвечающего за Дальний Восток, повсеместно интерпретируется как укрепление реализации нового курса, а также рассматривается рядом исследователей как признак новой региональной политики на Востоке России. Практически все исследователи обращают внимание на роль личности «дальневосточного наместника» – Ю.П. Трутнева, одного из энергичных управленцев из команды президента, который одновременно стал и полпредом президента в Дальневосточном федеральном округе. Аппарат министерства разработал пакет федеральных законов, которые были призваны сделать Дальний Восток привлекательным для отечественных и зарубежных инвесторов (с 2014 г. было принято 39 федеральных законов и 167 актов правительства, нацеленных на улучшение экономического климата в регионе). Характеристика бурной политической и бюрократической деятельности министерства также присутствует практически во всех публикациях.

В имеющихся трудах прежде всего заметны попытки анализа спектра причин как поворота России на Восток в целом, так и своеобразие реализа-

ции конкретных программ и проектов. Обобщая результаты проведенного анализа, можно заключить, что в литературе сложился консенсус относительно фактора, который катализировал разработку политики поворота России на Восток: в качестве такого выступает историческая ситуация, которая характеризовалась следующими особенностями. Во-первых, наблюдалось смещение центра тяжести в мировой политике и экономике в Азиатско-Тихоокеанский регион. Во-вторых, после дальневосточной политики времени Б.Н. Ельцина, которая строилась в «режиме ручного управления», и проведения радикально-либеральных реформ в политической и экономической сферах, в ситуации непредвиденных результатов (например, в виде деградации социальной инфраструктуры, деиндустриализации, социально-демографического кризиса, массового оттока населения [4; 11]) федеральный центр вновь осознал потребность в развитии Сибири и Дальнего Востока [1; 2; 3; 5; 8; 9; 13; 14; 15; 19, с. 9]. В-третьих, вся международная обстановка стимулировала российскую политическую элиту к интеграции в АТР. Исследователи иногда конкретизируют особенности международной обстановки с учетом российско-украинских отношений: «События на Украине и последовавший за ними кризис в отношениях РФ с Западом с одной стороны, и евразийская инициатива Пекина (“один пояс, один путь”) с другой максимально политизировали и формально подтвердили стратегическую значимость проекта» [20, с. 9]. Тема поворота России на Восток способствовала появлению в научном дискурсе нового термина – «Тихоокеанская Россия» [20].

Среди мнений ученых, анализирующих итоги поворота России на Восток в 2006–2017 гг., на наш взгляд, особого внимания заслуживает точка зрения академика В.Л. Ларин: «“Восточный поворот” России как в его внутренней (развитие Дальнего Востока), так и внешней (отношения со странами Тихоокеанской Азии) проекциях оказался имитацией. Интерес к зоне Тихоокеанской России был весьма ограничен и не реализовался в каких-то конкретных действиях как в силу невнятности восточноазиатской политики России, так и вследствие малоэффективности ее действий по экономическому и инфраструктурному развитию Дальнего Востока» [6, с. 12].

В контексте изучения внешнеполитических аспектов «восточного поворота» можно вспомнить и книгу «Тихоокеанская Россия в интеграционном процессе Северной Пацифики в начале XXI в.» [19], в которой нашла отражение позиция ученых ИИАЭ ДВО РАН по данному вопросу. Среди стабильного набора долгоиграющих факторов, определявших суть и форму тихоокеанской политики России всю вторую половину XX в., по мнению ее авторов,

находился клубок межгосударственных интересов и противоречий (проблема Корейского полуострова, территориальный спор с Японией, стратегические интересы и предпочтения Китая). В начале XXI в. на первый план – исключительно формально, но в духе времени – был выведен экономический интерес, сформулированный как экономическая интеграция в АТР [19].

Хотелось бы обратить внимание и на концептуальный подход экспертного сообщества, акцент в котором в большей мере сделан на будущем: «Главное в “повороте на Восток” – человеческое измерение. От того, как и какие люди будут жить на Дальнем Востоке, зависит коридор возможностей для России на весь XXI век. Отсюда – принципиальная важность социальной политики в регионе. Социальной политики в максимально широком контексте: политики смыслов для общества, или культурно-идейной политики, культуры, политики сбережения и развития человеческого капитала, условий жизни. Именно эта политика должна давать ответ на вопрос “зачем жить на Дальнем Востоке?”» [9].

Особенности структуры книги и подхода ее авторов

Именно на таком солидном историографическом фоне в 2024 г. появляется новая монография – «Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России», вышедшая при поддержке Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». По отношению к структуре книги возникает двойственное впечатление. С одной стороны, по своей задумке – это коллективная монография. Авторы об этом говорят во введении, обращая внимание читателя на единую социально-антропологическую платформу, объединившую разные проекты (хотя и делают оговорку: в отдельных главах заявленная общая линия прослеживается неравномерно). Нельзя не заметить стремления авторов убедить читателя, что все пять глав книги все-таки объединены одной поисковой идеей – объяснить, как «угасают» проекты развития Дальнего Востока» после периода «расцвета». С другой стороны, каждый автор достигает поставленную цель по-своему, опираясь на индивидуальный исследовательский инструментарий. В формулировке названий глав бросаются в глаза т.н. «ключевые» слова, которые хорошо отражают суть позиции участников данного исследовательского проекта – «миражи», «миф», «ритуализация». Последовательностью и соответствием метода и эмпирики отличаются главы «Миражи “Тумангана”: проекты развития территории на стыке границ России, Китая и Северной Кореи» (А.Е. Савченко), «Разворовать потен-

циал... во имя государства: история первой свободной экономической зоны Дальнего Востока России» (С.А. Иванов).

Заметно, что коллектив авторов дистанцируется от позитивистского подхода, распространенного в трудах историков, экономистов и управленцев: «Этот подход не проблематизирует государство как арену постоянных противоречий и не рефлексует над вопросами о том, как появляются идеи развивать конкретную территорию и почему были выбраны конкретные механизмы реализации программ» [17, с. 8]. Проекты развития авторы анализируют с опорой на методы и подходы социальной антропологии, ссылаясь на разработки зарубежных ученых (например, Р. Брайнта и Д. Найта [22]).

Особенность авторского подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что для авторского коллектива проекты развития – это прежде всего дискурс о развитии, «динамичная совокупность высказываний о желаемом будущем и способах его достижения». Предлагаемый подход описывает экономические отношения и отвергает политику как источник своего воспроизводства [17, с. 21]. При этом в монографии делается вынужденная оговорка: «Однако на практике при реализации проектов развития отрицание политики работает не всегда или работает таким образом, что меняет экономическую суть изначальной идеи» [17, с. 21–22]. И здесь надо заметить, что независимо от заявленного авторами дистанцирования от описания конкретных проектов, несмотря на намерение преподнести читателю только дискурс «в чистом виде», по факту они вынуждены в той или иной степени затрагивать политические мероприятия. И в этом мы убеждаемся, когда знакомимся с текстом отдельных глав.

Заявленный социально-антропологический подход в монографии реализуется с учетом индивидуальных особенностей научного опыта каждого автора. Выбор политических и научных авторитетов особенно ярко демонстрирует специфику творческой лаборатории создателей книги. В последнем случае это в подавляющем большинстве зарубежные ученые, имена которых авторы особо подчеркивают, оставляя за пределами своего внимания работы соотечественников. Собственная оценка авторами своего вклада в «исследовательскую копилку» формулируется следующим образом: «Наконец, эту книгу можно поставить в ряд – длинный в англоязычной литературе и куда скромнее в русскоязычной – исследований о развитии» [17, с. 12].

Мы совершенно не умаляем значения достижений зарубежной научной мысли и не отвергаем роли конвергенции идей в поиске ответа на вопрос об историческом видении потенциала Дальнего

Востока России, более того – считаем важным, например, знание трактовки зарубежными учеными причин провала конкретных проектов. Однако изначальная установка авторского коллектива на дистанцирование от достижений отечественной общественной мысли вызывает у нас некоторое «неуютное» интеллектуальное ощущение.

Отметим также, что для книги характерен весьма своеобразный стиль изложения: это определенный микс научного языка и журналистской манеры подачи информации. Это впечатление усиливается и за счет большого воздействия на авторов книги зарубежных работ и понятий. Многие понятия, которые рассматриваются также отечественными учеными, заменяются иностранной терминологией. Хотя в этом есть и определенный положительный момент: книга заставляет думать, обращаться к работам иностранных авторов.

Специфика глав и дискуссионные вопросы

Основная часть монографии открывается главой, посвященной «Тумангану». История этого проекта уже имеет собственную историографию, но в освещении А.Е. Савченко данная тема рассматривается в новом ракурсе, в т.ч. благодаря используемому исследователем инструментарию: автор во многом опирается на данные интервью и экспертных мнений. Второй особенностью можно назвать акцент исследователя на встраивание «миражей» проекта в контекст развития Хасанского района. При этом обращает на себя внимание увлечение автора субъективными источниками. Метод включенного наблюдения дополняется журналистской манерой подачи материала. Тем не менее А.Е. Савченко подтверждает вывод предшественников, изложенный в разных вариациях, подчеркивая, что «с российской точки зрения проект “Туманган” был инициирован извне, и государство в большей мере выступало как реагирующая сторона, в то же время он был подхвачен – по разным мотивам – на региональном и районном уровне. Инициатива, пришедшая снаружи, заполнила собой идейный и проектный вакуум, в котором с самого начала оказалось российско-китайское сотрудничество» [17, с. 61].

Вторая глава «Миф о приграничном Клондайке: случай Приграничного торгово-экономического комплекса “Пограничный – Суифэнхэ”» выделяется среди других своей внутренней структурой и тем, что исследователь широко, по сравнению с соавторами, использует метод установления «роли личности» в проекте. Заметим, этот метод всегда широко применялся в отечественной историографии, в т.ч. при описании исторического процесса освоения Дальнего Востока и развития приграничных отношений России с Китаем.

На этот раз такими личностями с российской стороны, по выбору И.Ю. Зуенко, стали А.Ф. Дубовик, который проявил себя как «агрегатор» торговли с КНР, и Г.И. Лысак, ставший крупным предпринимателем, – самый активный участник продвижения концепции трансграничной экономической зоны на российско-китайской границе.

Заслуженно можно выделить кейс, посвященный СЭЗ «Находка» (С.А. Иванов). Хотя теме СЭЗ «Находка» посвящены уже многие публикации, в т.ч. и самого автора главы, данный раздел в монографии отличается стройностью концепции связи проекта с рыночными идеями, раскрытием важнейшего аспекта, позволяющего понять смысл первых мероприятий по формированию рыночной системы на восточной периферии страны. С учетом наших научных изысканий по другим проектам мы разделяем вывод автора: в самых общих чертах попытку экономической автономизации «Находки» через СЭЗ можно было бы назвать «локальной вариацией» обмена номенклатурой властных ресурсов на экономические. Но в целом идея СЭЗ, подчеркивает С.А. Иванов, стала важнейшим элементом политического манифеста директоров. Реформа госпредприятий в позднесоветский период должна была активизировать директорский корпус, но при этом открыто не противостоять инициативам советского правительства, нивелируя негативные последствия через консолидацию и более активное продвижение повестки развития.

Особенно хотелось бы отметить критическое отношение С.А. Иванова к точке зрения зарубежных авторов на теорию проектов развития (в отличие, например, от Т.Н. Журавской и Н.П. Рыжовой, воспринимающих зарубежные идеи как истину в последней инстанции). Так, С.А. Иванов подчеркивает: «По Дж. Фергюсону, проекты развития деполитизируют социальные противоречия, превращают их в технические проблемы, которые можно решить посредством экономических и технических преобразований. ... Т. Ли оспорила этот тезис, утверждая, что схемы улучшений могут быть политически ангажированными мероприятиями, так как те, кто развивает, должны договариваться и искать компромиссы с теми, кого развивают. ... В нашем случае мы имеем другой тип проекта развития. В СЭЗ “Находка” субъект и объект улучшений в процессе разработки инициативы слились воедино: директора заводов и портов – предприятий, которые должны были стать основой зональной экономики, – сами составляли и реализовывали план развития. Как показывают исследования, такое слияние представляет собой редкий случай и не

гарантирует успешного выполнения намеченных целей» [17, с. 205]. И эта позиция исследователя опирается на анализ солидной источниковой базы.

Новизной отличается и характеристика такого этапа в истории СЭЗ «Находка», как закрытие проекта. В главе дается глубокое освещение этого процесса с учетом различных типов источников. С.А. Иванов убедительно доказывает тезис о том, что в ходе бюрократических согласований зона из либеральной идеи превратилась в постсоветский патримониальный проект, ориентированный на работу не с предпринимателями, а с вышестоящими органами власти. Последние были вполне удовлетворены таким положением вещей. В 1994 г. российское правительство искренне считало, что все возможное по созданию зоны в Находке было выполнено, а бюджетные кредиты со сниженной процентной ставкой – это «реальная льгота» и «важный фактор стабилизации экономического развития СЭЗ», который позволит «реализовать проекты долгосрочного характера» [17, с. 213].

Весьма противоречивое мнение складывается о главе «Успех “Дальневосточного гектара”: ритуализация проекта развития». Ее авторы Т.Н. Журавская и Н.П. Рыжова декларируют новизну подхода к изучению истории возникновения дальневосточных проектов и их финала, выражающуюся, в частности, в использовании социально-антропологических идей, однако при этом авторы все равно вынуждены прибегать к количественным показателям. В качестве основного в работе был использован этнографический метод. «Современные представления об этнографическом методе базируются на концептуальных и методологических принципах “понимающей герменевтики” В. Дильтея, проинтерпретированных в русле семиотического понимания культуры К. Гирцем и развитых в современных социологических и конструктивистских теориях» [10]. Безусловно, метод имеет свои преимущества, но он не идеален для реконструкции исторического процесса. Российские социологи и социальные философы, опираясь на зарубежные исследования, подчеркивают актуальность использования этнографического метода именно для исследования современного общества и современной культуры. Наиболее сильной стороной этого метода называют его способность делать доступными живые смыслы социальных (символических по сути) процессов и явлений в их тесной взаимосвязи с жизненным опытом и переживаниями живых людей. И здесь требуется исследовательское искусство, чтобы этнографический метод дал свои результаты. Однако в данной главе мы находим больше теоретических описаний, нежели демонстрации применения метода в творческой лаборатории авторов.

Обсуждение проблемы «дальневосточный гектар» с использованием заявленного этнографического метода этими учеными ведется на базе 25 лейтмотивных интервью с участниками (заявителями) программы (12) и представителями власти, осуществляющими оперативное управление программой (13). Большая часть интервью с «гектарщиками» была собрана в 2020 г. в населенных пунктах Амурской области, которые были отмечены на карте оператора программы как «места концентрации». Возникает резонный вопрос, почему исследованием была охвачена только территория Амурской области, ведь Приморский край также был активно задействован в этом проекте?

Вызывает вопросы и само содержание текста, в частности – что именно понимают авторы под «ритуализацией проекта развития»? После прочтения соответствующих фрагментов [17, с. 232–237] напрашивается заключение: кроме упоминания фамилий западных антропологов и замены вопроса «Как заставить проекты работать?» на другой вопрос «Куда же ведут проекты развития?» за заявленной концепцией «ритуализации» фактически не скрывается никакого содержания, эта часть главы сведена к абстрактным рассуждениям.

Несколько слов хочется сказать о фрагменте, посвященном «захватному праву на собственность». Вывод о распространении захватного права на собственность с точки зрения приведенного эмпирического материала практически не доказан. Особую критику вызывает отбор двух примеров под названием «Брошенный дом» и «Осаго-городок». Оба не имеют никакого отношения к проекту «Дальневосточный гектар» и, как говорится, «притянуты за уши». Не совсем понятна логика составления таблицы 1 «Структура поданных заявок на получение участков по программе “ДВ-гектар” и отказов по субъектам ДВФО, май 2016 г. – май 2020 г.». В частности, вызывает вопросы графа «общий итог» по вертикали и по горизонтали.

В целом авторы так и не убедили нас в правомерности вывода, озвученного в завершающей части главы: «Таким образом, мы видим все элементы логической схемы, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу. Ритуальность в коммуникации власти, предметно сконцентрированной вокруг программы “ДВ-гектар”, включает “обусловленность” (используемые “мантры” и формулы, безусловно, подготовлены, хотя и меняют свою форму на разных площадках – от формальных документов до неформальных интервью), “архетипичность” (как минимум это легенды о героях и создании космоса из хаоса) и “понятность” (программа адаптируется как технически через бесконечные редакции закона,

так и дискурсивно под решение разных задач). Иными словами, машина развития ритуализируется, легитимируя текущие и дальнейшие действия и проговариваемые намерения бюрократов, их присутствие в управлении периферийным регионом страны» [17, с. 263]. Тем не менее в данной главе есть отдельные обобщающие тезисы, которые заслуживают внимания, например, о «бесконечной» редакции закона. В целом же после прочтения главы создается впечатление, что истинная цель Н.П. Рыжовой и Т.Н. Журавской состояла в том, чтобы на дальневосточных материалах доказать правоту логической схемы, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу.

Завершающая глава «Проект перезапуска государства: новая политика развития Дальнего Востока и логика ее перерождения» (А.Е. Савченко) начинается с рассмотрения вопроса нового территориального управления сквозь призму прихода в управление новых людей: «На деле все оказалось сложнее, и управление территорией фрагментировалось: прежние и новые структуры стали отвечать за определенные части функционала по управлению развитием региона, но разграничить этот функционал территориально оказалось невозможно. В разных местах оказались совершенно разные люди. Излучающие энергию, в основном молодые и подтянутые управленцы, призванные изменить “правила игры”, заняли офисы Минвостока и связанных с ним корпораций и агентств развития. Эти структуры выстраивались параллельно существующим местным администрациям краев, городов, районов и сельских поселений. Новая вертикаль создана как будто в пику привычным представлениям о традиционной российской бюрократии и воплощает собой представления об идеальных управленцах-технократах России будущего» [17, с. 272]. Автор расширяет дискурс об управлении территорией за счет включения описания производственного быта тех, кто пришел в новые управленческие структуры. Широко используя идеи социальной антропологии, А.Е. Савченко обращает внимание читателя на детали условий, созданных управленцами-технократами для себя с целью выполнения своих функций. В исторической литературе подобные описания выполняются в основном в русле истории повседневности, конкретнее – истории производственной повседневности. Исследователь сравнивает новые министерские кадры со старыми низовыми (это в основном муниципальные служащие) не на основе текстов-интервью, а по окружающему управленцев миру, детализируя его. Правда, А.Е. Савченко избегает использовать

для обозначения последних термин М. Липски «уличные бюрократы»¹ [17, с. 16].

Вот как автор описывает группы «новых и старых» управленцев: «В современных, выдержанных в светло-серых и черных тонах кабинетах агентств и корпораций нам рассказывали о принципиально иных подходах в работе институтов развития (нацеленных на результат, в отличие от традиционных бюрократических структур, увязших в бесконечном “процессе”), интерактивных проектах и трансформационных идеях. Здесь на рабочих столах был идеальный порядок и почти пустота, в шкафах стояли аккуратные пластиковые папки с документами. «Тут не множат бумаги – тут делают дело», – как бы говорят посетителю эти кабинеты. Их хозяева, часто приехавшие сюда из других районов страны, считают и, похоже, искренне верят в то, что меняют общество и учат местную власть и предпринимателей вести дела по-новому. В этих офисах не производят инфоповодов для негативных новостей. Возможно, на закрытых аналитических мероприятиях и ведется разбор ошибок, но на их публичное признание наложено табу» [17, с. 273]. Портрет муниципалов совсем иной: «В шкафах, скорее в беспорядке, хранятся потрепанные от времени и хаотичного расположения кипы документов. Поток входящих бумаг – запросов и поручений – явно превышает человеческие возможности по упорядочиванию и обработке информации. В этих кабинетах чаще говорят о текущих проблемах, нехватке денег и полномочий, о привычной рассогласованности решений и несоответствии выделяемых на их воплощение ресурсов. Работу новых структур развития здесь комментируют сдержанно, но с едва скрываемой досадой» [17, с. 273].

Формулируя выводы, о результатах деятельности специальных агентств регионального развития, в том числе и в России, А.Е. Савченко проявляет осторожность и научную дипломатию, употребляя определение «противоречивые» и ссылаясь на «врожденную структурную слабость, для преодоления которой необходимы многочисленные дополнительные условия» [17, с. 278].

¹ Работая в США в период расцвета государства всеобщего благосостояния, М. Липски заметил, что формирование этой модели государственного управления связано с появлением такой прослойки государственных служащих, которые ранее в США были редкостью. Эта категория чиновников или бюрократов обладает, как заметил ученый, двумя отличительными характеристиками: они непосредственно работают с клиентами государственных учреждений и при этом обладают большой свободой в осуществлении своих полномочий. Это, например, учителя государственных школ, врачи, полицейские, пожарные, судьи. М. Липски назвал их «бюрократами уличного уровня» (т.е. бюрократами, работающими непосредственно на месте) [7; 16]. Заметим, что советская управленческая культура была иной, именно она создала исторические предпосылки формирования муниципального звена управления территориями.

Без Минвостокразвития, а также подведомственных ему корпораций и агентств, вероятно, было бы хуже, но в систему, обеспечивающую ускоренный рост региона, они до сих пор не сложились, считает он. А могли ли сложиться? Что было сделано для придания импульса социально-экономической динамике восточных районов? Какие решения и действия стали свидетельством намерения государства ускорить развитие этой территории и как мы можем обнаружить отступление от намеченного плана? Исследователь пытается дать ответ на эти вопросы в рамках теоретического концепта «развивающее государство». Обращает на себя внимание, что некоторые теоретические идеи, изложенные во введении, фактически «пропадают» в этой главе, и автор идет своим путем. Это наталкивает нас на мысль, что авторскому коллективу очень трудно было выдержать единую исследовательскую линию.

Таким образом, структура, стиль и содержание рецензируемой книги делают ее интересной для чтения, вызывая желание, с одной стороны, пройти сквозь дебри определенных фрагментов вопреки их трудности, а с другой – покритиковать авторов за некоторое низкопоклонство перед западной наукой. Тем не менее знакомство с данной монографией весьма полезно для понимания современного плюралистического мира идей в области исследования Дальнего Востока России, и читатель не пожалеет, что потратил время на ее чтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 30–45.
2. Ващук А.С. Дальний Восток в политической повестке России (90-е гг. XX в.) // Клио. 2020. № 5. С. 110–117.
3. Ващук А.С. Неолиберальные идеи и проект реструктуризации Северо-Востока России в 1990-е – первое десятилетие XXI в. (на материалах Магаданской области) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 6. С. 105–115.
4. Волкова Е.С., Ковалевская Ю.Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: «созидательное разрушение» или «медленное насилие»? // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 78–90.
5. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 31–44.
6. Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия

между двумя глобальными кризисами. Владивосток, 2022.

7. Захарова А.Л., Мартыненко А.А. На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 11–47.

8. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Владивосток, 2014.

9. Караганов С., Лихачева А. Почему буксует «поворот на Восток», и как это исправить // Деловой журнал «Профиль». URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-buksuet-povorot-na-vostok-i-kak-eto-ispravit-409720/>

10. Кистова А.В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495>

11. Ковалевская Ю.Н. Постсоветская деиндустриализация и проблемы коммунальной инфраструктуры (на примере юга о. Сахалин) // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 70–81.

12. Крюков В.А. и др. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 93–10.

13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010.

14. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26.

15. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики / Под ред. И.А. Макарова. М.: Международные отношения, 2016.

16. Приколота М. Кто такие уличные бюрократы? // Интернет-журнал «Рабкор». URL: <https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/05/30/street-level/>

17. Савченко А.Е. и др. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России. М.: Common Place, 2024.

18. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 1. С. 111–125.

19. Тихоокеанская Россия в интеграционном процессе Северной Пацифики в начале XXI в.: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017.

20. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. Владивосток: Дальнаука, 2012.

21. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21.

22. Bryant, R. and Knight, D.M., 2019. The anthropology of the future. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

1. Vashchuk, A.S., 2018. Dal'nevostochnaya politika postsovetsoi Rossii v kontse XX – nachale XXI v.: kontseptsii, ekspertnye mneniya i tochki zreniya publitsistov [Far Eastern policy of post-Soviet Russia in the late XXth – early XXIst century: concepts, expert and journalist opinions], Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', Vol. 10, no. 3/1, pp. 30–45. (in Russ.)

2. Vashchuk, A.S., 2020. Dal'nii Vostok v politicheskoi povestke Rossii (90-e gg. XX v.) [The Far East in the political agenda of Russia in the 1990s], Klio, no. 5, pp. 110–117. (in Russ.)

3. Vashchuk, A.S., 2024. Neoliberal'nye idei i proekt restrukturizatsii Severo-Vostoka Rossii v 1990-e – pervoe desyatiletie XXI v. (na materialakh Magadanskoi oblasti) [Neoliberal ideas and the project of restructuring the North-East of Russia in the 1990s – early XXIst century (the case of Magadan Oblast)], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, no. 6, pp. 105–115. (in Russ.)

4. Volkova, E.S. and Kovalevskaya, Yu.N., 2022. Ruiny na postsovetском Dal'nem Vostoke: «sozidatel'noe razrushenie» ili «medlennoe nasilie»? [Ruins in the post-Soviet Far East: «creative destruction» or «slow violence»?], Izvestiya Vostochnogo instituta, no. 1, pp. 78–90. (in Russ.)

5. Vorontsov, N.S., 2018. Nerealizovannye proekty svobodnykh ekonomicheskikh zon v Primor'e: istoricheskii ocherk [The unrealized free economic zone projects in Primorye: an essay in history], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.)

6. Desyatiletie obmanutykh ozhidani: Tikhookeanskaya Aziya i Tikhookeanskaya Rossiya mezhdru dvumya global'nymi krizisami [A decade of dashed hopes: Pacific Asia and Pacific Russia between two global crises]. Vladivostok, 2022. (in Russ.)

7. Zakharova, A.L. and Martynenko, A.A., 2023. Na khvoste u Leviafana: antropologicheskie issledovaniya byurokratii i byurokratov [On Leviathan's tail: anthropological studies of bureaucracy and bureaucrats], Antropologicheskii forum, no. 59, pp. 11–47. (in Russ.)

8. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1 [Historical issues of socio-political security in the

Russian Far East (second half of the XXth – early XXIst century). Book 1]. Vladivostok, 2014. (in Russ.)

9. Karaganov, S. and Likhacheva, A. Pochemu buksuet «povorot na Vostok», i kak eto ispravit' [Why the «pivot to the East» is stalling and how to fix it]. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-buksuet-povorot-na-vostok-i-kak-eto-ispravit-409720/> (in Russ.)

10. Kistova, A.V., 2013. Etnograficheskiy metod v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh [Ethnographic method in social studies and humanities], Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, no. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495> (in Russ.)

11. Kovalevskaya, Yu.N., 2022. Postsovet'skaya deindustrializatsiya i problemy kommunal'noi infrastruktury (na primere yuga o. Sakhalin) [Post-Soviet deindustrialization and challenges of municipal infrastructure: a case study of Southern Sakhalin Island], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 70–81. (in Russ.)

12. Kryukov, V.A. et al., 2017. Sovremenniy podkhod k razrabotke i vyboru strategicheskikh al'ternativ razvitiya resursnykh regionov [Modern approach to developing and selecting strategic alternatives for resource region development], Ekonomika regiona, Vol. 13, no. 1, pp. 93–10. (in Russ.)

13. Minakir, P.A. and Prokapalo, O.M., 2010. Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'nii Vostok [Regional economic dynamics. Russian Far East]. Khabarovsk: DVO RAN. (in Russ.)

14. Minakir, P.A. and Prokapalo, O.M., 2017. Rossiiskii Dal'nii Vostok: e'konomicheskie fobii i geopoliticheskie ambitsii [Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions], EKO, no. 4, pp. 5–26. (in Russ.)

15. Makarov, I.A. ed., 2016. Povорот na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshnei politiki [Pivot to the East: Developing Siberia and the Russian Far East as foreign policy shifts focus toward Asia]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russ.)

16. Prikolota, M., 2019. Kto takie ulichnye byurokraty? [Who are street bureaucrats?] URL: <https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/05/30/street-level/> (in Russ.)

17. Savchenko, A.E. et al., 2024. Potentsial'nyi Dal'nii Vostok. Kak rastsvetayut i ugasayut proekty razvitiya v samom bol'shom regione Rossii [Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region]. Moskva: Common Place. (in Russ.)

18. Savchenko, A.E. and Zuenko, I.Yu., 2020. Dvizhushchie sily rossiiskogo povorota na Vostok [Driving forces of Russia's pivot to the East], Sravnitel'naya politika, Vol. 11, no. 1, pp. 111–125. (in Russ.)

19. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom protsesse Severnoi patsifiky v nachale XXI v.: opyt i

potensial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviya [Pacific Russia in the integration process of the Northern Pacific in the early XXIst century: experience and potential of regional and cross-border cooperation]. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2017. (in Russ.)

20. Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego [Pacific Russia: pages of the past, present, and future]. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. (in Russ.)

21. Torkunov, A.V., Strel'tsov, D.V. and Koldunova, E.V., 2020. Rossiiskii povorot na Vostok:

dostizheniya, problemy i perspektivy [Russia's pivot to the East: achievements, challenges, and prospects], Polis. Politicheskie issledovaniya, no. 5, pp. 8–21. (in Russ.)

22. Bryant, R. and Knight, D.M., 2019. The anthropology of the future. Cambridge: Cambridge University Press.

*Рецензия поступила в редакцию 16.04.2025;
рекомендована к печати 15.05.2025*